

Линь Сань посмотрел на женщину, которая с ледяной ухмылкой несла этот бред, и вдруг с призрачной скоростью схватил её за запястье. Не успела Минь Хунли вскрикнуть, как он потащил её за собой, словно за ниточку от воздушного змея, напрямик во двор. В это время во дворе семьи Чэнь уже было накрыто несколько столов: мужчины со смехом ждали начала банкета, а женщины сутились с тарелками и мисками. И вот, когда атмосфера была максимально теплой и праздничной, Линь Сань внезапно громогласно выкрикнул:

— А теперь повтори то, что ты сейчас сказала, при всех!

После этих слов все как один обернулись, а лицо Минь Хунли в то же мгновение стало мертвенно-бледным.

Чэнь Айго, который до этого чинно сидел за главным столом, подсознательно вскочил и нахмурился:

— Что здесь происходит?

Линь Сань взглянул на него, изображая на лице праведный гнев:

— Брат, твоя жена только что отвела меня в сторонку и с полной уверенностью заявила, что в деле об исчезновении Сяо У есть скрытые мотивы! — Линь Сань тут же при всех вывалил слова Минь Хунли о том, что ребенка не теряли, а продали.

Как только Линь Сань закончил, застывшая было атмосфера мгновенно взорвалась. Супруги Чэнь Цзяньшэнь, собиравшие гостей, замерли с выражением абсолютного шока на лицах.

— Чушь! Полная чушь!!! — Больше всех этот выпад задел старика Чэня.

Его глаза покраснели от гнева, он весь задрожал и, тыча пальцем в Минь Хунли, разразился руганью:

— Ты, женщина, что за бред несешь! Кто продал Сяо У? Какие у тебя доказательства? Совсем язык без костей, одну ложь мелешь!

Юй Сюлань в этот момент тоже вырвалась из толпы. Обливаясь слезами, она обратилась к Линь Саню:

— Зять, то, что Сяо У пропал — моя вина перед тобой, но я клянусь небом: я никогда бы не пошла на такое черное дело! Если бы я правда это сделала, пусть меня громом поразит, пусть я умру лютой смертью, а после смерти попаду в ад Авици и никогда не перерожусь!

Это была клятва страшнее некуда. Было ясно, что Юй Сюлань доведена до предела и смертельно обижена.

— Невестка, я всегда тебя уважал, как же ты можешь так бессовестно клеветать? — На глазах у всех даже такой тихий человек, как Чэнь Цзяньшэнь, не выдержал и заплакал. Он хлопал себя по бедрам и с покрасневшими глазами кричал: — О том, что Сяо У пропал, в полицейском участке дело заведено. Если кто не верит, идите и спросите у товарищей полицейских, а ты вот так, ни с того ни с сего, обвиняешь нас в продаже ребенка... Ты что, хочешь нас в могилу свести своей ложью?

— И то правда, Цзяньшэнь не такой человек.

— Ты сама это видела или своими ушами слышала? Как можно так легко языком чесать?

— Точно! Раз говоришь, что продали, так предъяви доказательства!

Гул осуждения со стороны односельчан заставил и без того бледную Минь Хунли покачнуться. Есть такие люди: в тени они как черви поливают всех грязью, но стоит их вытащить на свет — и им конец.

В итоге, не выдержав позора, вмешался Чэнь Айго. Этот человек, мнивший себя интеллигентом, на глазах у всех отвесил жене звонкую пощечину и прикрикнул:

— Хватит болтать лишнего! Пошли домой, я там с тобой разберусь!

Минь Хунли опустила голову, из уголка её рта сочилась кровь. Оказавшись под огнем общественного гнева, она, хоть и ненавидела всех до смерти, не посмела издать ни звука. Теперь вопрос стоял иначе: как заставить Линь Саня, «человека с чужой фамилией», поверить, что ребенок действительно потерялся, а не был продан?

Чэнь Айго заставил Минь Хунли признаться перед всеми, что она распространяла слухи. Та, не смея сопротивляться, выдавила из себя корявое извинение, что немного разрядило обстановку. А когда в дело вмешались староста и другие сельские чиновники, давая гарантии за семью, Линь Сань «сменил гнев на милость» и торжественно заявил, что на самом деле всегда верил супругам Чэнь Цзяньшэнь.

Словно в доказательство этого, Линь Сань при всех совершил два поступка.

Первое: он подозвал Линь Вэня к себе и на глазах у всех велел ему поклониться супругам Цзяньшэнь.

Он сказал мальчику: «Отныне дядя и тетя — твои родные папа и мама. Ты должен быть сыновним и заботиться о них, а когда они состарятся — достойно проводить их в последний путь».

Мальчик был послушным и при всех назвал чету Цзяньшэнь папой и мамой, отчего те расплакались от счастья прямо на месте.

Что касается второго поступка, то он был еще масштабнее.

Линь Сань, с манерами настоящего богача, выложил на стол тридцать тысяч юаней. Он объявил, что эти деньги — его сыновний дар тестю и второму брату жены.

— Я вижу, что наш дом совсем ветхий, из саманного кирпича. Пусть эти деньги пойдут на то, чтобы отстроить его заново.

Ничто не действует так убедительно, как деньги. Как только на столе появились тридцать тысяч, Линь Сань, который раньше в устах жителей Сямагоу был самым непутевым и скверным зятем, вмиг превратился в «золотого самородка».

Старика Чэня окружили односельчане, наперебой расхваливая его: «Ну и повезло же тебе!», «Какой заботливый зять!». Старое лицо деда покраснелось от гордости. Он пытался было отказаться, но Линь Сань не дал ему шанса. Супруги Чэнь Айго, глядя на это, стояли как громом пораженные. Особенно Минь Хунли — в этот момент она так раскаивалась, что готова была сама себе еще раз вклеить пощечину.

После банкета Линь Сань пробыл в деревне еще два дня, а затем собрался уезжать.

— Папа, а ты еще приедешь ко мне? — Сяо Вэнь тянул Линь Саня за руку, и в его взгляде читалась искренняя привязанность.

Все-таки они родные отец и сын. К тому же за эти полмесяца Линь Сань каждый день баловал его и развлекал, так что чувства между ними вспыхнули с новой силой.

— Ну конечно, — пообещал Линь Сань мальчику, добавив, что в следующий раз приедет вместе с его братом и сестрой.

— Или, когда у тебя начнутся летние каникулы, приедешь ко мне в гости. Если будешь скучать — пиши письма... Ты умеешь писать письма?

Сяо Вэнь очень честно покачал головой.

Линь Сань:

— Тогда писать буду я. В общем, ты навсегда мой сын, и папа всегда будет о тебе помнить.

Услышав это, мальчик расплылся в счастливой улыбке. Линь Сань крепко потрепал его по макушке.

В итоге, прихватив с собой фотографию Сяо Вэня, Линь Сань попрощался с семьей Чэнь, покинул Сямагоу и сел на поезд домой...

Точнее, это нельзя было назвать путем домой, так как Линь Сань не собирался возвращаться так просто. Он решил махнуть в провинцию Гуандун, прокатиться по югу. Раз уж выбрался, грех не «затусить» на полную катушку, иначе билеты на поезд не окупятся.

«Чух-чух, чух-чух... Станция Хайчэн! Пассажиров, выходящих на этой станции, просим подготовиться к выходу...»

Плетеные баулы, черные сумки, тюки в руках и на плечах; крики взрослых, плач детей, а кто-то и вовсе тащит за крылья уток и кур — огромная толпа живой стеной вывалилась из поезда. Линь Сань был частью этой лавины. К счастью, он был силен и крепок, так что, кроме слегка растрепавшейся прически, ничуть не пострадал. Поток людей вынес его за ворота вокзала. Линь Сань поднял голову и огляделся: «Ого, а вот и дух мегаполиса».

За этот месяц Линь Сань пересек четыре провинции и посетил десяток городов. Хайчэн был финальной точкой в его плане.

Хайчэн девяностых был аналогом Шанхая тех лет. Хотя город еще не зарос лесом небоскребов, его уникальное величие и шик мегаполиса буквально сбивали с ног. По крайней мере, по пути к гостинице Линь Сань встретил нескольких дам в изящных платьях ципао, среди которых была даже семидесятилетняя бабушка. Линь Сань подумал: «Город изысканный, элегантный и с легким налетом выпендрежа».

Впрочем, ему это нравилось!

Линь Сань с силой оттянул воротник. Возможно, из-за постоянных разъездов, а может из-за того, что становилось всё жарче, но в последние дни его тело то и дело охватывало какое-то беспокойство. Это даже навело Линь Саня на мысль: уж не засиделся ли он слишком долго в

воздержании, что у него начался своеобразный «гон»?

Хочется верить, что в этом прекрасном городе его ждет прекрасная встреча. Пусть это будет даже мимолетная интрижка — Линь Сань был совсем не против...

Величественная музыка, изысканные закуски, обходительные джентльмены и стройные красавицы — здесь даже воздух казался пропитанным сладким ароматом высшего общества.

— Наслышан о великом имени господина Сяо, гром гремит повсюду! Увидеть вас сегодня — истинная честь для меня! — Толстомордый мужчина с энтузиазмом протянул свои лоснящиеся руки. Огромный перстень с головой тигра на его указательном пальце буквально сиял в свете хрустальных люстр.

Сяо Тинлань окинул его равнодушным взглядом и не шелохнулся.

Лицо толстяка на мгновение застыло. Он подумал: «Этот наследник корпорации Сяо действительно так холоден и высокомерен, как и говорят». Впрочем, у него были на то все основания: выпускник топового мирового университета, он в молодом возрасте взял под контроль семейные активы в сотни миллиардов. А главное — его инвестиционное чутье было феноменальным: любой проект, к которому он прикасался, приносил прибыль.

Это был босс среди боссов, человек, которого многим не удастся увидеть и за всю жизнь.

При этой мысли толстяк вновь приободрился, но не успел он продолжить самопрезентацию, как подошли другие люди — официальные лица из правительства Хайчэна. Толстяк тут же закрыл рот и молча уступил место.

— Господин Сяо, от имени мэрии мы приветствуем ваш визит в Хайчэн для инвестиций. Мы верим, что...

В девять вечера, не дожидаясь окончания банкета, Сяо Тинлань покинул здание отеля.

В машине он рывком сорвал галстук. Несколько дней работы без сна и отдыха вымотали бы любого, и даже такой кремень, как Сяо Тинлань, чувствовал усталость.

Секретарша-красавица, сидевшая впереди, взглянула на босса и спросила:

— Господин Сяо, мы едем домой отдыхать или...

— Высади меня на следующем перекрестке, — внезапно приказал Сяо Тинлань.

<http://bllate.org/book/16514/1501396>